

— Маркиз, я должен отправиться... — начал объяснять Шэнь Чэнцзюнь, но в дверь вбежал всадник, весь в пыли. Он мчался вперёд, а за ним, задыхаясь, гнался Су Янь, и картина вышла весьма комичной.

— Покажи мне тот донесение! Ты что, приказ послушаться вздумал? Стой же! — кричал Су Янь.

Шэнь Чэнцзюнь и Сяо Цичэнь переглянулись. Шестой принц, хоть и был на полгода младше Су Яня, казался куда более степенным. «Вот уж маркиз себя неважно показывает», — мелькнуло у Шэнь Чэнцзюня в голове.

Всадник, запыхавшись, добежал до Шэнь Чэнцзюня и, не говоря ни слова, вытащил из-за пазухи конверт, сунув его тому в руки. Затем, словно выполнив свою миссию, он обмяк и опустился на землю, тяжело дыша.

Су Янь, наглотавшись пыли, кашлял рядом. Шэнь Чэнцзюнь бесстрастно вскрыл конверт, пробежал глазами строки, и лицо его стало ещё суровее. Он сложил донесение и строго обратился к Су Яню:

— Приказ главнокомандующего: Су Янь остаётся в Цзиньлине с тремя сотнями человек и временно принимает командование столичной армией. Я с остальными гвардейцами доблестной кавалерии выступаю на поддержку Яньчжоу.

Су Янь чуть не поперхнулся:

— Что?! Нет! Я на фронт хочу!

— Приказ не обсуждается, маркиз, — непреклонно ответил Шэнь Чэнцзюнь. — Думать надо о глобальной стратегии.

— Какой ещё глобальной стратегии! — вспыхнул Су Янь. — Мой отец в восемнадцать уже на поле боя врагов рубил, а мне в Цзиньлине сидеть велено? До каких пор он меня под замок держать собирается?!

На гнев молодого маркиза никто не обратил внимания. Шэнь Чэнцзюнь лишь похлопал его по плечу, бросив: «Ты же понимаешь опасения главнокомандующего», — и стремительно вышел из шатра. Вскоре посыльные засуетились, а Су Янь, сдерживая ярость, наблюдал, как лагерь в Саду Нань начинают сворачивать.

Словно его мнения и в помине не было. Приходили и уходили, ни о чём не спрашивая.

Звания и обязанности будто бы легли на плечи тяжким грузом, но Су Янь-то знал — всё это одна видимость. Его с помпой ввели в армию, но после первых полугода, проведённых инкогнито в столичной армии, все по-прежнему видели в нём лишь молодого маркиза. В лицо — почтительно, за спиной же...

Мало кто принимал его всерьёз.

Су Яня в дом маркиза Пинъюаня насильно доставил Сяо Цичэнь — вернее, Тяньхуэй, которого Сяо Цичэнь за ним послал.

Первые годы жизни Су Яня, хоть и омрачались досадными исключениями, по сравнению с участью бедняков, борющихся за пропитание, можно было назвать благополучными. Вслух он этого не говорил, но к себе был строг. С детства ему твердили: «Тебе предстоит унаследовать

дело маркиза Пинъюаня».

Наследие семьи Су — не просто титул. Главное — армия. Если точнее, то элитная гвардия доблестной кавалерии и половина тигриной бирки.

И вот он возомнил, что сможет, как в своё время Су Чжи, рано прославиться и повести войска. Сколько лет он в армии провёл, а оказалось, Су Чжи и не думал пускать его на войну!

Ярость клокотала внутри, но при Сяо Цичэне Су Янь не привык её выказывать. Он уселся на стул, стиснул зубы и сделал глоток чая, пытаясь успокоиться. Служанка, уловив настроение, мягко молвила:

— Молодой господин, это чай нового урожая, собранный ранней весной на плантациях под Линьанем.

Не успела она договорить, как в комнату вошла госпожа Су. Спокойно, словно так и надо, она села рядом с сыном.

Госпожа Су, урождённая Цао, не принадлежала к знатному роду. Двадцать лет замужества стёрли память о её девичьем имени. Она редко показывалась за пределами своих покоев и молельни, поэтому Сяо Цичэнь, частый гость в доме маркиза Пинъюаня, был удивлён её появлением.

Едва она села, Су Янь встал и почтительно произнёс:

— Матушка.

Сяо Цичэнь тоже поклонился:

— Госпожа.

Госпожа Цао холодно взглянула на него и вежливо ответила:

— Оказывается, и шестой принц здесь.

Затем, оставив Сяо Цичэня в недоумении, она обратилась к Су Яню:

— От Шэнь Цаньцзюня слышала, будто ты сегодня в лагере Сада Нань бушевал, негодуя, что главнокомандующий не пускает тебя на войну. Годы-то идут, а родительским наставлениям ты, видно, изменил? Знаешь, как бы твой отец тебя прежде наказал?

Говорила она тихо и мягко, но Сяо Цичэнь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Су Янь же, услышав это, без лишних слов опустился на колени.

Госпожа Цао холодно на него взглянула, откинулась на спинку кресла и подняла чашку:

— Что тебе непонятно?

— Почему отец на фронт меня не пускает!

— Дядю своего помнишь? — мягко спросила она. Увидев недоумение на лице сына, кивнула:

— Да, конечно, не помнишь. Он умер до твоего рождения, и отец твой о нём не говорил. В битве за Цзичжоу старый генерал командовал, а твой отец, тогда ещё юноша, в Сюйчжоу

остался. Дядя же в первых рядах шёл, тюркская стрела-то шальная его и настигла. Когда в лагерь доставили — дух уже испустил.

Су Янь не понимал, к чему она клонит, и нахмурился. А Сяо Цичэнь почувствовал, как у него похолодели руки и ноги.

— Стрела в горло вошла, насквозь прошла. Дядя неженат был, детей не оставил. Когда старый маркиз с войском вернулся, первым делом свадьбу твоего отца со мной и устроил. А когда старый генерал во второй поход пошёл, твоего отца подкреплением послал лишь тогда, когда тот от ран еле жив был. Вот тогда-то он тюркские обозы и спалил, — закончила госпожа Цао, и взгляд её, спокойный и ясный, упал на Су Яня. — До тебя теперь доходит?

Су Янь молчал, потупившись. Но Сяо Цичэнь проговорил:

— Госпожа хочет сказать, что род Су прерывать нельзя?

Госпожа Цао не выразила ни удивления, ни иных чувств. Она сделала элегантный глоток чая, кивнула и снова обратилась к сыну:

— Всем вокруг ясно как день, один ты понять не можешь!

В голосе её уже звучал упрёк. Су Янь губы разжал, но промолчал.

Госпожа Цао продолжила:

— Неужто думаешь, наш род от природы малолюден? В каждом поколении... в каждом, говорю, на поле боя полегло несчётно. Все братья отца твоего погибли, а ты сломя голову на передовую рвёшься? Случись с тобой что — и род Су на тебе и оборвётся?

Слова «оборвётся» ударили и Су Яня, и Сяо Цичэня словно громом, на миг лишив чувств.

Династия Сяо Лян от основания своего почти десять поколений правит, и в каждом поколении наследников мало. Взять хоть Сяо Яня: Сяо Цичэнь — шестой по счёту, а четверо принцев до него в младенчестве умерли. В народе толковали разное, но сходились в одном: принцу до зрелых лет дожить — великая удача.

Сяо Цичэнь в детстве не понимал, а позже смутно догадался, почему Чжоу Жунхуа скрывала беременность, пока скрывать уже было невозможно, и лишь тогда осмелилась Сяо Яню сказать — боялась, что и этого не уберёжёт. И вот теперь слова госпожи Цао о пресечении рода заставили его вспомнить умерших братьев, и на душе стало тягостно.

Су Янь, выслушав наставления матери, хоть и кипел внутри, спорить не стал и покорно спросил:

— Значит, отец желает, чтобы я сначала семью создал, а потом уж на войну шёл?

Госпожа Цао чуть дрогнули длинные ресницы, словно она взяла себя в руки, и в голосе её вновь зазвучало прежнее, ровное спокойствие:

— А Янь, отец тебе говорил — жертвовать ради семьи тебе придётся. Когда он вернётся, мы к Ли Биню свататься пойдём.

— Что?! — не сдержался Су Янь.

— Цензор Ли Бинь, старшая дочь его тебя на год младше, положением ровня. А коли у тебя кто на примете есть — говори, чтобы потом в семье раздоров не было.

Су Янь будто гвоздём к полу прибило. Только и смог, что выдохнуть: «Вы что, меня за...» — но Сяо Цичэнь внезапно схватил его за плечо, и недоговорённое так и застряло в горле.

<http://bllate.org/book/15940/1425096>